

РОМАН ПУТИЛОВ

ОПАСНЫЕ
МАНИПУЛЯЦИИ 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Феликсович Путилов

Опасные манипуляции 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67866792

SelfPub; 2022

Аннотация

Цикл романов о девушке, ощутившей способности ведуньи. Вокруг 90-е годы прошлого века, где разнообразная нечисть и нелюдь в человеческом или ином обличье жаждет денег, крови и удовольствий.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая. Печаль светла.	9
Глава вторая. Следственные действия.	23
Глава третья. Бесконечный день.	31
Глава четвертая. Последнее желание	41
Глава пятая. Последний путь.	50
Глава шестая. Визит вежливости.	57
Глава седьмая. Ланнистеры всегда гасят свои долги.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Роман Путилов

Опасные манипуляции 2

«События, описанные в данной книге, происходили в параллельной вселенной, все персонажи произведения являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми – случайно».

«События, описанные в данной книге, происходили в параллельной вселенной, все персонажи произведения являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми – случайно».

Моей любимой ведьме посвящается. Пролог.

Дикие крики и треск горящего дома разрывал застывшую в ужасе ночную тишину. Жители деревни, поняв, что дом моей прабабушки отстоять не получится, сейчас пытались не дать огню перекинуться на соседские постройки. Мне кажется, что я даже различала зычный голос дяди Миши, нашего соседа и дальнего родственника. Хорошо, что нет сильного ветра, иначе искры от горящего сруба перемахнули бы невеликое расстояние через деревенскую улочку, и пошло бы полыхать по всей округе. Деревня маленькая, пока из Ново-Бабкино придет помощь в виде списанной из леспромхоза старой автоцистерны и пятерки пожарных на общественных началах, пройдет не меньше часу. До деревни было око-

ло километра, но над ночной рекой звуки разносились далеко, а зарево огня, жадно пожиравшего бревна столетнего сруба, было видно еще дальше. Я лежала на спине, прижимая к себе дочь, и молилась, чтобы малышка не издала ни звука. В свои два года Танюша почти не разговаривала, прекрасно обходясь жестами и гыканием, понимая, что любящие родители все равно поймут и просьбу крошки исполнят. Я очень надеялась, что в детском саду ей придется начать говорить. Сверстники не родители, или говори, или с тобой общаться никто не будет. До начала работы детского садика оставался месяц. Если он будет у нас, этот месяц. Я затаила дыхание. Метрах в тридцати, по кромке болота, на зыбкой поверхности которого лежали мы с дочерью, проскользнули пять бесформенных силуэтов. Все вышло, как мне и сказали, почти пинками, загоняя в это неудобное и опасное место. Преследователи четко шли по следу, оставленному волокушей, которую утащил в сторону брода, ведущего на остров, мой муж. На волокуше, имитируя беспомощное женское тело, лежал мешок с землей и ворох моей одежды. Силуэты, возбужденно сопя и повизгивая, ускорили своей бег, предвкушая конец погони и скрылись в темноте. Я попыталась повернуться поудобнее, чтобы видеть небольшой островок за протокой, куда рвался мой муж. Предательская трясина, немедленно ухнула вниз, изрядно меня напугав, но затем спружинила, вернувшись в свое неустойчивое первоначальное положение.

– Не волнуйся солнышко, все будет хорошо – одними гу-

бами зашептала я дочери. Она посмотрела на меня своими карими, отцовскими глазами, и очень чисто и серьезно ответила:

– Я знаю, мама.

Я успокаивающе улыбнулась и погрузилась в воспоминания. Много лет назад, старший сородич существ, проскользнувших сейчас мимо нашего убежища, попытался убить меня, беспомощную и бестолковую десятилетнюю девочку. Но, моя удача или ангел хранитель развели меня с бедой буквально на несколько мгновений. Затаив злобу малолетнюю дуреху, оставившую его сносом, старый оборотень через несколько месяцев смог страшно отомстить мне, а затем, как он посчитал, загнать в ловушку. Ни он, ни те, кто вместе с ним ввалились зимней ночью в дом моей прабабушки, больше не отравляли мир своим существованием, о чем я ни разу не пожалела. Но кровь порождает кровь, и его сородичи снова пришли в мой дом, спросить за содеянное. Хорошо, что наша немецкая овчарка, гуляя по лесу, нашла странные следы и привела меня к ним. Кто-то массивный несколько дней наблюдал из-за деревьев, через огород, за нашим летним отдыхом. Наш враг упорен, самоуверен и злопамятен. Бежать от него бесполезно. Хотя оборотень практически неуязвим в лесу, напасть в городе для него особой проблемы не составляет. Единственным разумным выходом было спровоцировать нападение в момент, когда мы будем готовы. И уже через день мы громко перекрикивались в огороде, что в дерев-

не хорошо, но завтра придется возвращаться в город, и хорошо, что соседи довезут нас на моторке до ближайшей пристани, а оттуда до Города доберемся на «Метеоре», дочери будет интересно. И что вы господа – вервольфы будете делать? На лесной дороге ждать нас бесполезно, а воду вы не любите. И они придумали. В два часа ночи в дверь сильно толкнули, но не преуспели. Тогда дом подожгли. Наверное, надеялись прихватит нас в промежуток времени, когда мы выскочим из дома, но соседи еще не успеют прибежать на помощь. Мы с наступлением темноты сидели в сарае. Когда по одной из стен дома побежали веселые огоньки пламени, мух загнал меня на волокушу и, кряхтя, потащил через огород к болоту. Я, лежа на мешках с землей и моей старой одеждой, видела, как несколько темных силуэтов притаились в тени, ожидая, когда сонные хозяева выскочат тушить свое имущество. Когда мы скрылись из виду, муж тихонько свистнул. Раздался звук распахнувшегося окна, кто-то выпрыгнул из дома, с шумом упав на землю и метнулся в заросли кустов. Умный пес, дождавшись команды, сиганул через незапертое окно. Тени во дворе заметались, раздались растерянные крики. Тем временем деревня просыпалась, соседи начали сбегаться на пожар. Муж дотащил нас до края болота, заставил меня наступить в случившуюся тут коровью лепешку и отправил в трясины, а сам потащил волокушу дальше. И вот преследователи шли по идеально созданному для них следу. Они нашли распахнутое окно, место падения из окна, нашли

следы волокуши, щедро источающий запах врагов, и, не особо задумываясь, встали на след. И вот, я вновь на том же болоте, вокруг рыскают мои враги, а я беспомощна, с ребенком на руках. И тут меня толкнули в живот, напоминая, что на руках у меня уже не один ребенок, а несколько больше. Со стороны острова раздались частые выстрелы и крики боли. Значит, муж дотащил свою волокушу до острова и добрался до схрана, а у моей дочери появился небольшой шанс через месяц перешагнуть порог детского сада.

Глава первая. Печаль светла.

– Арес, мальчик, как ты здесь оказался?

Огромный ротвейлер, дрожащий от холода всем отощавшим телом, неуверенно вильнул обрубок хвоста, и осторожно двинулся ко мне, в его тоскливых глазах появилась надежда.

Я присела перед псом. Глаза гноятся, шкура в грязных, засохших разводах. Я с трудом узнала всегда ухоженного и холеного кобеля.

– Где папа? Ты потерялся?

При слове «папа» Арес горестно взвыл. Последний раз я виделась с хозяином Ареса – Аркадием Николаевичем Старыгиным, в прошлую субботу, когда я, по устоявшемуся обычаю, пришла к нему гости. Как всегда, выгуляв Ареса, и вручив его хозяину традиционную порцию микстуры от хондроза и порошок для поддержания организма, мы сели пить чай с пирожными. Ничего необычного при этой встрече я не заметила. Я рассказала о своем проекте по организации тепличного хозяйства, Аркадий Николаевич рассказал о новых монетах, которые он купил на импровизированной ярмарке коллекционеров в Вишневом парке. После этого звонков от него не было, а я как-то упустила этот момент. Неужели Аркадию Николаевичу стало плохо во время прогулки с Аресом? Другого объяснения, как любимый пес моего друга

оказался возле моего дома, у меня не было. Да, Аркадий Николаевич был одним из моих немногочисленных друзей. Глубоко одинокий человек, недавно потерявший жену, и давно потерявший единственного сына Ивана, который в черную пил с двадцати лет, давно утратив человеческое обличие...

Я отстегнула ремешок от дамской сумочки, пристегнула его к ошейнику.

– Пойдем домой, малыш....

Я долго стучала в знакомую металлическую дверь, за дверью царило молчание, Арес скулил рядом.

– Ну что шумите? А, собачку нашли! – за моей спиной распахнулась дверь соседской квартиры.

Я обернулась, на пороге стояла женщина лет пятидесяти и странно смотрела на меня.

– И куда же вам ее девать?

– В смысле куда девать? А где Аркадий Николаевич?

– Так умер он вчера, говорят, что рак у него был. Последнюю неделю совсем плохо ему стало, из дома он не выходил уже, а вчера сын «скорую» вызвал, врачи приехали, а сосед уже умер. Я сама не видела, а Анна Александровна из второй квартиры была, ее понятой участковый приглашал.

– Простите, а вы уверены, что это сын был?

– Конечно, я же Ваньку хорошо знаю, как отец заболел, он всю последнюю неделю у него жил, ухаживал. Правда собачка у Ваньки в первый же день убежала, когда он с ней гулять пошел. Хорошо, что вы ее нашли, вот только куда ее сейчас

девать?

– Спасибо вам, пойду, Ареса пристраивать надо...

– Да не за что – дверь захлопнулась, а я привалилась к перилам. Ну, вот, как так! Как это могло произойти? Почему Аркадий Николаевич не позвонил? Еще неделю назад никаких признаков рака не было. Какая-то несобранность не дала мне принять ситуацию. Я погладила, молча сидящего у моих ног, пса и решительно двинулась к двери квартиры с цифрой «2».

– Здравствуйте Анна Александровна, я знакомая Аркадия Николаевича, вот, Ареса на улице нашла, привела к хозяину, а мне такой ужас рассказали...

Открывшая мне дверь пожилая женщина сочувственно закивала головой:

– Да, грустная история. Нас вчера участковый понятыми приглашал, а я покойников боюсь, так, краем глаза взглянула, это какой-то ужас, не человек, а скелет, и такая опухоль на горле....

– Опухоль?

– Ну да, у него же рак был....

– А как узнали, что он умер?

– Так Иван последнюю неделю здесь жил, пару раз к нам заходил, рассказывал, что отец совсем плох. Все время трезвый, одет прилично. А вчера Аркадию совсем плохо стало, «Скорая» приехала, а он уже умер.

– Скажите, а участковый где сидит, может быть, он под-

скажет, куда мне теперь собаку девать?

– Опорный пункт участкового через дом отсюда. А насчет собаки, девушка, он вряд ли вам поможет. Ивану ведь собака не нужна, он ее когда на прогулке потерял, даже не искал.

– Спасибо вам большое – я попрощалась с соседями и потянула за собой пса, который явно не хотел уходить из родного подъезда.

Согласно объявлению на входе, участковый инспектор милиции вел прием в опорном пункте до десяти часов вечера. Когда я вошла в казенное помещение, оказалась в просторной приемной, в которой на жестких лавках сидело шесть женщин старшего пенсионного возраста, сжимающие в руках исписанные неровным почерком листочки различного формата. При нашем появлении повисла тишина, которая сменилась криком стаи голодных чаек. Очередь единым порывом выплеснули на нас с собакой весь накопившийся у них негатив, всю усталость и беспросветность своей жизни. Я даже растерялась на мгновение. Арес, решив успокоить присутствующих, громко гавкнул, но добился он ровно противоположного. Гвалт усилился еще сильнее. На шум из кабинета выскочил молодой худенький милиционер с лицом подростка. Если бы не серый китель, я бы подумала, что мальчишке лет шестнадцать. Он, быстро сориентировавшись, басовито рявкнул:

– А ну, все замолчали, а то прием на завтра перенесу.

Бабушки, очевидно, были опытные, потому, что замолк-

ли, как рубильник кто-то выключил.

– Девушка, вы бы еще бегемота привели. Я вас с животным принимать не буду.

– Товарищ участковый, собака имеет непосредственное значение к делу, по которому я пришла.

Участковый на мгновение задумался:

– Хорошо, раз ваша собака так всех тут пугает, зайдете первой, как посетителя отпущу.

Какая-то пенсионерка, очевидно, самая нервная, что-то произнесла протестующее, но замолчала после косого взгляда милиционера.

Я вошла в кабинет ровно через пять минут. Боюсь, если бы я просидела в приемной еще немного, меня с Аресом сожгли ненавидящие взгляды ветеранов, даже мой амулет, нагревающийся от присутствия нечисти, стал немного обжигать кожу. Конечно, я могла бы войти в доверие к люто ненавидящим меня женщинам, завести беседу на интересную им тему, рассказать какую-нибудь леденящую душу историю, но сил не было ни на что.

Когда я и пес тяжело уселись напротив милиционера, он, сардонически усмехаясь, предложил рассказать, к какому делу имеет отношение присутствующая здесь собака.

– Вы вчера выезжали по адресу..... по поводу смерти пожилого мужчины, Аркадия Николаевича Старыгина.

– Ну да, было такое, а при чем тут....

– Это его собака, я ее нашла сегодня на улице. Я хотела бы

узнать адрес сына покойного, чтобы отвести собаку к нему.

– Девушка, даже если это собака усопшего, я не имею права давать адреса граждан непонятно кому.

– Хорошо, не давайте. Тогда я иду сейчас в райотдел, там же есть кто-то из начальства, отдаю собаку ему, так как участковый отказался дать адрес законного владельца.

– Какого владельца, зачем собаку в отдел?

– Ну как же? Собака по закону – это имущество, вы же это знаете?

Участковый неуверенно кивнул.

– Я нашла чужое имущество, хозяин умер, у хозяина есть наследник. Вы отказались дать мне адрес наследника, и, наверное, это правильно...

Участковый кивнул более уверенно.

– Но я же девушка честная, я тоже хочу поступать по закону. Я поеду в отдел милиции и дежурному, или начальнику, сдам под расписку чужое имущество – этого песика, а они, наверное, адрес наследника у вас узнают сами, ну, как положено, по закону.

Участковый, наверное, живо представил, как ему будут звонить из отдела, поэтому, и какими словами будут комментировать его желание следовать букве закона. Поэтому, сделав грустное лицо, сотрудник органа правопорядка полез в стол, забитый серыми казенными папками.

Я удовлетворенно откинулась на кресло. Первый этап выполнен, милиционер открыл положил на стол дело о смерти

моего друга.

Когда он, нервно перелистывая немногочисленные листки, углубился в поиски адреса Ивана, я спросила:

– А вам в этой смерти ничего не показалась подозрительным? И когда будут результаты вскрытия?

Участковый поднял на меня смеющиеся глаза:

– Девушка, детективы по телевизору надо смотреть, там интереснее. И хотя, я вам не должен это рассказывать, но скажу. Человек пожилой, долго болел раком, опухоль, размером с полкирпича, в горле. В этих случаях вскрытие не делают, врач «скорой» фиксирует смерть, прилагается справка из поликлиники о заболевании и все, дальше похороны.

– Простите, а когда похороны и где тело?

– Похороны завтра, тело в похоронном доме «Вечный покой». Еще что-то интересуется?

– Меня многое, что интересуется. Но вот, что должно заинтересовать вас – я хорошо знала покойного, рака у него не было. Последний раз я была в гостях у Аркадия Николаевича в прошлую субботу, никакой опухоли у него не наблюдала.

Участковый с шумом захлопнул папку:

– А вы, простите, с покойным в каких отношениях были?

– Просто друзья.

– Просто друзья – повторил милиционер с гнусной улыбкой.

– Скажите, у вас, когда эту форму выдают, веру в порядочных людей сразу отнимают? Я встретила Аркадия Нико-

лаевича случайно, полгода назад. В разговоре выяснилось, что пятнадцать лет назад моя прабабушка его с того света вытащила, когда он от лучевой болезни умирал.

– У вас прабабушка врач?

– Нет, деревенская знахарка.

– А, понятно....

– Чтобы было понятнее, рассказываю подробности. Аркадий Николаевич работал на химзаводе, знаете, где это?

Участковый кивнул.

– Там была авария, трое облучились. Выжил только Аркадий Николаевич. Когда его жена привезла в деревню к моей прабабушке, у него практически все органы не работали. Отсутствие пальцев на руке заметили? Так вот, они от радиации отвалились. А через пару месяцев больной домой уехал на своих ногах, и жил нормально до сих пор. Он меня маленькую вспомнил, я тогда у прабабушки летом жила. Вот так я и стала к нему ходить еженедельно, с собакой гуляла, да по бабулиному рецепту боль от хондроза снимала. Больше человек ни на какие болячки не жаловался, и повторяю, опухоли у него не было.

– А, что же вы его не вылечили, а только боль снимали, и, кстати, чем?

– Боль снимала не наркотиками, просто травками, что на болоте растут. А что хондроз не могла вылечить.... У вас в приемной портрет висит, дяденька солидный такой, написано, что лучший участковый. У вас с ним, наверное, одина-

ковые результаты в работе, правда?

– Смеетесь, что ли? Майор Осокин двадцать лет на участке работает, каждого человека знает.

– Так, когда прабабушка Аркадия Николаевича от радиации выхаживала, ей восемьдесят пять было, а мне восемнадцать, намек понятен?

– Понятен. Ну, это лирика. Вы конечно интересную историю рассказали, но это бездоказательно.

– А можно справку из поликлиники посмотреть?

Милиционер заметно заколебался, затем вытащил из папки бланк с синей печатью, подвинул в мою сторону, крепко придерживая бумагу ладонью. Я склонилась над справкой, взгляделась в печать.

– Знаете, насколько я знаю, Аркадий Николаевич лечился в поликлинике на улице Революции, а здесь справка врача из соседнего района.

– Девушка, так часто бывает. У меня нет никаких оснований подозревать наличие преступления. Поверьте, не стоит попусту поднимать волну.

– Скажите, а ведь «Вечный покой» – дорогая похоронная контора? Я их рекламу везде вижу.

– Ну да, не дешевая.

– А сын покойного – алкоголик со стажем, с отцом никогда не жил, тот его в квартиру не пускал, так как Иван все пропивал.

– Что-то вы путаете, я вчера сына видел, вполне прилично

выглядит.

– Я не путаю, я точно знаю. Короче, мне надоело вас уговаривать. Я сейчас еду в РУБОП, у меня там хороший знакомый есть – капитан Долгих, хотя нет, уже майор. Я официально подаю ему заявление, а пусть там потом решают, вы сознательно прикрывали насильственную смерть пожилого человека или из лени и нежелания выполнять свои обязанности. А еще я поеду на химзавод, подниму там шум, что человека, который без защитного снаряжения ликвидировал аварию, что бы спасти жизни других работников, убили как собаку (прости Арес). О, так его, наверное, завтра в крематорий повезут, чтобы следов не осталось. Да, товарищ сержант? Ладно, побегу я в РУБОП, от вас все равно толку нет.

Милиционер в сердцах отбросил папку, порывшись в столе, сунул мне пустой бланк заявления:

– Вы понимаете, что делаете? Если завтра сорвем похороны, а смерть окажется естественной, то вам ничего не будет, наверное. А меня, скорее всего, уволят.

– А если я права?

– А если вы правы, то мне объявят строгий выговор, за то, что невнимательно провел осмотр трупа. Ладно, пишите заявление – милиционер быстро прошел к двери, высунул в приемную голову. Я услышала его преувеличенно бодрый голос:

– Так, женщины, не шумим, всех приму, я сегодня допоздна. Такой вопрос – чай все будут? Все? Ну и хорошо, сейчас

чайник поставлю.

Под моим удивленным взглядом, участковый воткнул в розетку шнур электрочайника, стал выставлять на большой стол у стены разномастные стаканы и чашки. Поймав мой ошарашенный взгляд, сержант улыбнулся и зашептал:

– Сейчас посижу с дамами, чай попьем, они мне много чего интересного расскажут. Половину преступлений так раскрываю, конечно, не убийства, но все же....

Следующим утром я нашла в газете бесплатных объявлений страничку похоронного дома «Вечный покой», изучила перечень услуг. Позабавило прижизненное заключение договора на посмертное обслуживание. Услуга кремации и хранения урны с прахом также имела место быть. Любезная барышня по телефону сообщила мне, что прощание с господином Старыгиным будет проходить в десять часов утра в центральном филиале похоронного дома, и дала адрес крематория, куда, после прощания, направиться катафалк.

Я оделась потеплей, надела ошейник на печального Ареса и пошла на троллейбусную остановку.

Дорога была утомительной, старый троллейбус все время подбрасывало на ледяных ухабах, заднюю площадку, где стояла я с псом, постоянно трясло. Кондуктор, углядев, что собака без намордника (где я его возьму ночью? у меня даже вместо поводка старый ремень), каждые пять минут прибегала к нам скандалить, пытаясь выгнать из троллейбуса.

В конце концов, я не выдержала, и сказала, что пес практически сирота, умер единственный близкий ему человек, и я не знаю, куда пристроить собаку, а мне его жалко, он ночью плакал и отказывался есть. Женщина молча развернулась и побежала в водительскую кабину. Я поняла, что сейчас нас будут высаживать. Через пару минут кондуктор вновь подошла, протягивая мне теплую сардельку в пакетике:

– Девушка, возьмите, покормите собаку!

У меня слезы навернулись на глазах.

К похоронному дому мы приехали заранее. Я встала за большой черный автобус похоронной службы с золотыми ангелами на крыше и стала наблюдать за входом. Через некоторое время, во двор въехал старый обшарпанный «УАЗ»–«таблетка», с медицинским крестом и черной надписью на борту «Спецтранспорт». Оттуда вышли два ражих молодца в серых телогрейках поверх серых от старости халатов, и стали курить, весело о чем-то переговариваясь.

Во дворе было еще пусто, очевидно, основная масса церемоний проходила здесь позже, ближе к обеду, а пока обслуживали таких как Аркадий Николаевич, которого надо отправить в последний путь побыстрее. Из зала прощания вышло несколько человек, на специальные подставки установили оббитый красной материей гроб, в котором лежал изменившийся до неузнаваемости мой друг. Ивана я не видела. Я стояла в растерянности, не зная, что предпринять. Сейчас гроб загрузят в автобус и увезут в крематорий, тайна

внезапной смерти моего знакомого останется нераскрытой. Неужели участковый меня обманул, принял для вида заявление, и ничего не сделал. Нет, не обманул. Знакомая фигура в шинели, шумно дыша, протопала мимо меня. Тяжелая кобура хлопала по нижней части спины милиционера, шапку он придерживал рукой. Участковый, не заметив меня, бодро подбежал к людям у гроба, что-то спросил. Из числа провожающих выдвинулся какой-то мужчина, взял у милиционера бумагу, прочитал, отрицательно замотал головой, затем порвав документ, кинул его в снег. И началась потеха. Четверо крупных, хорошо одетых мужчин, выстроившись несокрушимой фалангой перед представителем власти, стали аккуратно, не вынимая рук из карманов дорогих кожаных курток, оттеснять его от гроба. Работники похоронного бюро, подтащив красную крышку, споро стали готовить гроб к загрузке в катафалк. Ражие молодцы из УАЗика, индифферентно наблюдая, как сублильный участковый отступает дружным напором литых тел провожающих, докуривали по третьей сигаретке.

Тут на сцене появились мы с Аресом. Мы подбежали к гробу, Арес поставив передние лапы на гроб, взглянул на лицо хозяина и горестно завыл. Какой-то работник похоронного бюро попытался оттолкнуть пса, и тут я сказала «Фас».

Огромный черный монстр, хрипя и захлебываясь пеной, метался перед разбегающимися, как испуганные куры, людьми. Белые клыки щелкали с огромной скоростью. Муж-

чины, до этого толкавшие участкового, дружной группой побежали за угол, но, я не успела насладиться легкой победой, как эти люди вернулись. Они приближались к нам, агрессивно размахивая красными лопатами и еще какими-то острыми железками, наверное, за углом был пожарный щит. Резкий хлопок за головой заставил замереть не только меня. Сбоку от меня встал участковый, шапку он где-то потерял, но папку с документами крепко прижимал к себе, в правой, поднятой к небу, руке, курился легким дымком ствол пистолета.

Срывающимся голосом, сержант пролаял:

– Всем стоять, стреляю. Вы двое – жест стволом в сторону экипажа «УАЗика»: – бросаем курить, грузим гроб и поехали в морг. Остальные – новый жест – стоим на месте.

Курильщики, меланхолично пожав могучими плечами, затаились по последней, и быстро втащив гроб с телом Аркадия Николаевича в фургон, потом загрузились туда же вместе с участковым. УАЗ, окутавшись вонючим, синим дымом, бодро выехал со двора.

Последнее я видела уже на бегу, так как продолжать оставаться в этом месте скорби, мне показалось опрометчивым. Впрочем, нас никто не преследовал.

Глава вторая.

Следственные действия.

Через три дня меня вызвали в прокуратуру нашего района. Хмурый, не улыбочивый следователь, ежеминутно сверяясь с моим заявлением, которое я оставляла у участкового, допросил меня о моих взаимоотношениях с Аркадием Николаевичем, о том, где я была в день его смерти, и кто может подтвердить мое местонахождение. Особенно дотошно меня расспрашивали о моих мотивах появления возле квартиры гражданина Старыгина после его смерти. В конце допроса, к моему удивлению, мне сунули под нос обязательство не покидать моего места жительства без разрешения следователя, а также являться по вызовам следователя для проведения следственных действий.

– Это что? – я оттолкнула от себя стандартный бланк.

– Это формальность, подписывайте, девушка.

– Я что – подозреваемая?

– Пока – свидетель.

– То есть я подняла шум, не дала сжечь тело, а теперь я подозреваемая?

– Повторяю, вы – свидетель, пока во всяком случае – следователь говорил ровно, без эмоций, как механический ин-

форматор – Я разговаривал с участковым, он отозвался о вас, как о весьма пронырливой особе. Поэтому с вас подозрений никто не снимает. Не тяните время, подписывайте бумагу, иначе буду вынужден пригласить понятых и составить акт о вашем отказе поставить подпись. В вашу пользу это не будет свидетельствовать.

Я рывком подтянула бланк, черкнула подпись, надрывая поверхность стержнем.

– Ну вот и хорошо –следователь бережно убрал мою расписку в дело.

– А не подскажите, вот та куча народу, которая не давала участковому забрать труп на экспертизу.... Вы их в качестве подозреваемых не рассматриваете?

– Увы, никого из этих людей задержать или установить не представилось возможным. Кстати, вы кого-нибудь из них не запомнили, сможете описать?

– Извините, не запомнила, я вашего участкового и гроб отбивала....

– Участковый не наш, прокуратура является надзирающим органом и сотрудники МВД к нам отношения не имеют.

В это время в кабинет ввалился мужчина лет тридцати, который с порога гаркнул:

– Евгений Максимович, прибыл по вашему приказанию с транспортом.

Я повернулась к следователю:

– Вот, те мужики, что участкового били, они точь-в-точь,

как вот этот человек. Кожаные черные куртки, черные вязанные шапки, и телосложения один в один.

Следователь задумчиво воззрился на вошедшего, подумал минуту, и ответил:

– К сожалению, это оперуполномоченный из райотдела милиции. Сидоров, забирайте ее, откатаете, пальцы экспертам.

Я вскочила:

– Вы что, охренели? Какие пальцы, я в этой квартире была каждую неделю...

– Вот нам и надо отделить ваши отпечатки от отпечатков подозреваемых. Кроме того, – следователь уставился мне в глаза – на оружии убийства обнаружен отпечаток пальца. Ничего не хотите мне сказать?

– Ничего, – я подхватила со стола сумочку- поехали, Сидоров.

– Ее после пальцев в камеру или куда? – Сидоров, гад, решил меня добить своими уточнениями, я сбилась с шага.

– Пообщайся, потом мне позвони, там решим.

Дребезжащий «УАЗ» с ободранными синими полосами на боках, довез нас до старого здания милиции довольно таки быстро, я даже не успела успокоиться.

В дежурной части, Сидоров долго и неуклюже мазал мои ладони жирной черной мастикой с помощью маленького металлического валика, чуть не испортив мне рукава пальто. Затем, он, пыхтя и ругаясь, снимал отпечатки на листы бу-

маги, безжалостно выворачивая мои ладони под немислимыми углами. Потом мы отправились мыть руки. По длинному коридору, забитому посетителями, шла я, широко расставив руки с измазанными ладонями. Сзади меня конвоировал Сидоров, неся в руках мое пальто и сумочку, веселыми криками корректируя мое движение.

На лицах честных граждан я читала: «Ага, воровку поймали, лет пять теперь дадут, так ей и надо». Господи, какой стыд, надеюсь, здесь моих знакомых не было.

Но этой «дорогой позора» мои приключения не закончились. В подвале, где был туалет, перед его дверью на полу спала вонючая бомжиха, и я даже не хочу думать, какая лужа растеклась под ней. Я смело перешагнула через громко сопящее тело, открыла дверь туалета, и гневно обернулась к милиционеру. Маленькое темное помещение, свет в которое проникало через наполовину заваленное снегом окно. Кран с одним вентиляем из которого тонкой струйкой текла холодная вода. Небольшой обмылок на края треснувшей раковины был черным от грязи.

– Сидоров, или сейчас ты принесешь мне нормальное мыло и полотенце, или я пойду к вашему начальнику в кабинет, просить мыло у него.

Сидоров старательно изобразил покаянное лицо:

– Ну, да, как-то неудобно вышло. Подождите минуту.

Он исчез на лестнице, через минуту наверху раздались его громкие, но неразборчивые выкрики. Я, чтобы не смотреть

на спящую бомжиху, осторожно открыла дверь с табличкой «Ленинская комната». На удивление, там оказался большой зал с рядами удобных кресел и многочисленными плакатами на стенах. В углу, на оббитой красной тканью трибуне стоял огромный гипсовый бюст Ленина.

Я, по прежнему держа руки на расстоянии от себя, уселась в кресло, стараясь не вдыхать аромат спящей на полу женщины, и стала ждать.

Вначале вниз сбежала группа бомжей, под руководством сержанта с металлической бляхой «Помощник дежурного». Под энергичные указания милиционера, двое бомжей подхватили свою коллегу с пола, и с криками «Катя, а мы тебя потеряли», потащили мычащую тушку наверх. Третий бомж, размахивая деревянной шваброй с черной, как сажа, тряпкой, тщательно вытер лужу и вообще, всю площадку перед туалетом, затем также быстро удалился.

Я отвлеклась, потом очнулась от деликатного покашливания Сидорова, замершего на пороге «Ленинской комнаты» с половинкой пластмассовой мыльницы и, вполне приличным, рушником на плече. Ну что сказать? Граждане, не верьте милиционерам. Мыло «Земляничное» очень плохо отмывает черную мастику в холодной воде. Минут десять я отмывала руки, но ощущение жирной краски на коже не прошло. Затем мы пришли в просторный кабинет, наполненный сломанной разномастной мебелью. Мне выбрали самый приличный стул и усадили посередине. Кроме Сидорова, в каби-

нете сидела еще два, похожих на него гражданина, глядящих на меня, как стая голодных лис на курочку Тутту Карлссон.

– Меня Саша зовут – улыбка Сидорова была вполне человеческой – расскажите нам, пожалуйста, все с самого начала. Кстати, чай будете?

Я взглянула на кружку, внутренние стенки которой были коричневыми от чайного налета, и отказалась. Сидоров поймал мой взгляд и смущенно улыбнулся:

– Не волнуйтесь, кружку сейчас отмоем.

Я поблагодарила, но еще раз отказалась.

– Ну а мы чая выпьем, а то без обеда тут сидим.

Милиционеры разобрали стаканы, наполнив их невообразимо коричневым чаем и занялись мной.

– Вы Людмила не волнуйтесь. Можно вас так называть? Ну вот, никто вас не подозревает. Следователь прокуратуры себя так вел, потому что ему по должности положено быть подмороженным. И в квартире обнаружили много отпечатков пальцев разных людей, поэтому, мы всех откатываем, кто в квартире был на законных основаниях.

– Саша, а что Иван говорит?

– А Ивана мы пока не нашли. В его квартире какое-то братство обосновалось, человек десять, молятся, ведут себя прилично. Мы у них паспорта отобрали, допросили, несут какой-то религиозный бред. По Ивана говорят, что был такой, но куда-то ушел. Вы, кстати, не знаете, где он может быть?

– Нет, не знаю. Я его видела то всего три раза, но, онпил не просыхая, с виду типичный алкаш. А в последнее время Аркадий Николаевич рассказывал, что Иван пить перестал, стал одеваться прилично, но приходя к отцу, вероятно, искал документы на квартиру. И из окна Аркадий Николаевич видел, что Ивана возле дома ждали какие-то люди, хорошо одетые. Но он их не разглядел в подробностях.

Я еще раз рассказала милиционерам о наших отношениях с Аркадием Николаевичем, все, что я знала о его сыне и их отношениях, на этом меня отпустили.

Выходя из отдела, я на крыльце столкнулась с заморенным участковым, который судорожно перелистывал какие-то бумаги в толстой кожаной папке.

– Здравствуйте. Ну что, медаль вам дали?

Он заполошно вскинул глаза, затем лицо его расслабилось:

– А, здравствуйте, гражданка Сомова. Нет, медаль не дали. Сначала дали строгий выговор, за некачественно проведенный осмотр тела. А затем сняли наложенный выговор, за то, что не дал покойника в крематорий отвезти. Кстати, спасибо вам с собакой, если бы не вы, не уверен, что справился бы.

– Да не за что. А скажите, как убили Аркадия Николаевича?

Участковый отвел меня в сторону, тревожно оглянулся и шепотом сказал:

– Его держали за руки и за ноги, а горло засунули что-

то вроде камеры от футбольного мяча. Затем ее надули, а шланг вырвали. А в камере ниппель, она осталась надутая и перекрыла горло, человек задохнулся. Только никому не говорите.

У меня ослабли ноги, я представила, как умираю, от невозможности вздохнуть, мой друг, как несколько человек, все это время, хладнокровно, прижимали тщетно рвущегося старика к полу. Неужели Иван тоже в этом участвовал? Господи, какая мерзость!

Следующий день был у меня почти спокойный: четыре пары в институте, домашние дела, выгул пса перед сном и, к двенадцати часам, я легла в постель, предвкушая шесть часов спокойного сна. Уже проваливаясь в сладкое забытие, почувствовала, как в ухо ткнулся холодный мокрый нос, я с трудом вернулась в сознание, начала гладить печально пыхтящую огромную башку.

– Ну, мальчик, не грусти, все будет хорошо.

Я не знала, что с «хорошо» выйдет не очень.

Глава третья. Бесконечный день.

После занятий в институте я села в троллейбус и началось мое бесконечное путешествие в Промышленный район. Сегодня поездка явно не задалась, троллейбус то вставал в пробке, то терял рога. К заводууправлению я приехала уже к концу короткого зимнего дня. На третьем этаже здания было все также холодно, сотрудницы отдела аренды сидели, как нахохлившиеся воробьи. Но меня встретили более – менее приветливо, с трудом улыбнувшись замершими до синевы губами.

– Здравствуйте, барышни, как ваши дела.

– Здравствуйте, проходите, чаю вам налить? Правда, к чаю ничего нет, восемь месяцев зарплату не платят, но хоть горяченьким погреемся....

– Восемь месяцев? Да как же вы живете?

– Да вот так и живем. В столовой кормят по талонам, в магазинчике иногда продукты под запись можно взять. Кого-то мужья содержат, правда скоро наверное выгонят. Так, чай будете?

Я зависла от этой информации. А я считала, что это я трудно живу. Через минуту я поймала недоуменные взгляды присутствующих.

– Ой, извините, задумалась. Просто не ожидала, что у вас все так плохо. А чай не буду, спасибо. Вот вам тортик, сами

попейте – я протянула коробку с вафельно – шоколадным тортом. Очень тороплюсь, просто спросить хотела

– Большое спасибо, балуете вы нас – женщины благодарно приняли коробку, но открывать не спешили. У меня сложилось впечатление, что разделят без меня лакомство и потащат домой детям.

– Я хотела узнать, что с заявками на аренду?

– Так нет никого, никому эти развалины не нужны. Только в гараже тот мужчина возится, больше никого там нет.

– Спасибо вам за информацию, побегу я дальше. На днях еще забегу.

Взяв номер телефона для связи, торопливо пошла в сторону подсобного хозяйства по пустым дорожкам. То тут и там мелькали торопливые тени, почти каждый что-то волок. Наверное, работники завода тащили к забору компенсацию, за не выплачиваемую заработную плату.

Темный корпус гаража мрачно чернел на фоне быстро темнеющего неба. За время, что я здесь не была, выбитые окна кто-то закрыл металлическими листами, деревянная дверь, висевшая на одной петле, исчезла, замененная подобием боевой калитки из средневекового замка. Толстый провод тянулся с ближайшего столба, раньше, я помню, электричества здесь не было. Я с трудом отодвинула тяжелую створку двери, скользнула в темный коридор, который заканчивался огромным залом с тусклыми лампочками под потолком. Здание гаража изнутри казалось больше, чем снаружи.

Несколько длинных ям в бетонном полу вызывало тревогу, в темноте они казались бездонными. Какие-то железные конструкции под потолком, железные шкафы и стеллажи, стоящие у стен, и полная тишина, царившая в помещении. Мне стало не по себе. Я негромко спросила:

– Есть, кто ни будь? – уже сильно жалея, что пришла сюда.

– Вам чем-то помочь? – неожиданный голос сзади заставил меня подпрыгнуть на месте.

Метрах в трех от меня, в тени огромного стеллажа стоял невысокий мужчина в толстом замасленном комбинезоне.

Присмотревшись, я узнала бородатого арендатора, присутствовавшего на конкурсе по заключению договоров аренды две недели назад.

– Здравствуйте, меня зовут Людмила, я вас видела в актовом зале.

– Здравствуйте. Меня Алексей зовут. Я вас узнал. Так чем могу помочь?

– Да я просто зашла познакомиться со смелым человеком, который решил арендовать здесь помещение. Я хочу купить эти развалины вокруг, а арендовать их у милейшего заместителя директора я опасаясь, не нравится он мне.

Алексей прошел в закуток, где стояли два стула и небольшой столик с чайником, кивнул мне на один из стульев. Я опасливо посмотрела на обивку сидения, не решаясь сесть. Хозяин, понимающе усмехнулся, взял с полки бесплатную газету, и тщательно застелил сидение.

– Кофе будете?

– Буду, если угостите.

– А почему не угостить.

Чайник зашумел, через минуту я держала в руках горячую кружку с растворимым кофе от непонятого производителя, передо мной стояла банка с сахаром и чайной ложкой.

Алексей сделал небольшой глоток из граненого стакана и спросил, пряча улыбку в темной бороде с легкой проседью:

– И как с покупкой?

– Пока жду. Я так понимаю, кроме вас никто не горит желанием договор аренды заключать.

– Ну, приходили тут одни, хотели подземное овощехранилище в аренду взять, грибы выращивать, покрутились и больше я их не видел. А вы чем собираетесь заниматься?

– Цветы в теплицах.

– Да? Очень смело. А почему здесь? Вон, по городу, сколько тепличных хозяйств на ладан дышат или уже закрылись.

– Я не хочу с арендой связываться, тем более краткосрочной. Было бы здесь все в порядке, как говориться приехал и живи, но тут столько вложить надо, а как вкладывать, если в любой момент могут на улицу попросить. А у вас как?

– Да у меня все в порядке, есть СТО маленькое, недалеко отсюда, работники, клиентура, но там мне тесно стало. Мне в принципе только свет тут наладить, остальное все есть, можно открываться.

– Буду рада, если у вас все получится.

Я допила кисловатый напиток, обменялась с владельцем СТО телефонами и распрощалась. Мужчина мне понравился, спокойный, обстоятельный, видно, что в своем деле разбирается. Наверное, будет порядочным соседом, если будет.

Тяжело вздохнув, я села в очередной троллейбус. До девяти часов вечера я планировала посидеть в научно-технической библиотеке. Если преподаватель по статистке рекомендовал использовать в работе монографию определенного автора, он никогда не забывал проверить, читал ли студент эту достойную книгу.

Из библиотеки я выходила, когда в большинстве залов уже был потушен свет, а гардеробщик внизу смотрел на меня, как на врага народа. Хорошо, что нужный троллейбус быстро подошел, не придется пересаживаться.

Зайдя в парк возле дома, я позвонила бабуле на домашний телефон:

– Бабушка, я так устала сегодня, ноги не идут. Если в дом зайду, обратно уже не заставлю себя на улицу выйти. Выпусти, пожалуйста, Ареса из подъезда, скажи, пусть меня в парке ищет. Спасибо тебе.

Я стояла под фонарем у центральной клумбы парка. От клумбы в виде звезды разбегались в разные стороны шесть дорожек, которые упирались в окружающие парк дома. Обычно в парке полно народу, вечером подтягиваются собачники со своими питомцами. Арес уже завел себе несколько приятелей. Но сейчас в парке было безлюдно.

Только в конце дорожки быстро двигался в мою сторону какой-то человек. Я попыталась вспомнить, какой сериал идет сегодня по телевизору и сколько ждать, до окончания серии, когда подтянутся любители животных. Обычно, побегав с другими псами, Арес не так сильно скулил во сне. Он очень тосковал по Аркадию Николаевичу, я, к сожалению, не могла заменить старого хозяина. Вдруг я почувствовала опасность, инстинктивно обернувшись назад. В двух шагах от меня, почти бесшумно, ко мне подбегал молодой мужчина во всем темном. Встретившись со мной глазами, он досадливо скривился. В моей голове мелькнула картинка – мужская ладонь с моей фотографией на фоне какого то ржаво-красного почтового ящика, висящего на покосившейся калитке, окрашенной в синий цвет. Сомнений в его намерениях у меня не осталось, я крутанула свою сумку, одновременно делая шаг в сторону, чтобы мужик не снес меня своим телом. Мужчина резко остановился, небрежно закрывшись плечом от моей сумки. Я отвела руку вбок, готовая второй раз бить сумкой. Сзади раздались торопливые шаги, наверное, мужчина, которого я видела на дорожке раньше, решил заступиться за девушку, и сейчас хулиган убежит...

Торжествующая улыбка противника намекнула, что я ошибаюсь в оценке обстановки. Сильные руки схватили меня сзади, одна рука перехватила шею, мешая дышать и не давая вывернуться. Я попыталась закричать, но давление руки позволяла вырваться из-за рта лишь какому-то сипению.

– Давай – грубый голос у уха, мой противник делает шаг вперед и бьет меня в сумку, которой я успела прижать к груди.

Выражение досады на молодом, таком обыкновенном лице, быстрый взгляд в район моей ключицы.... Я пытаюсь пнуть держащего меня сзади человека, но он, плотно прижавшись, приподнимает и прогибает меня, мои ноги не могут нащупать опору для сильного удара....

Мой оппонент поводит перед моим лицом длинным блестящим лезвием, чтобы я тоже могла насладиться предстоящим ударом, вытягивает руку к моей груди....но его кисть, с зажатым ножом, скрывается в черной пасти разъяренного ротвейлера. Не теряя время на вопящего от боли «ножевика», Арес переключается на ногу второго противника. Через несколько секунд ситуация меняется, но не кардинально. Арес мечется между двумя мужиками, но они уже отошли от первоначальной растерянности, второй тоже достал нож, первый, придерживая поврежденную руку, сжимает свое лезвие левой рукой. Ногами в тяжелых ботинках, они тоже действуют довольно бодро. Я понимаю, что особо помочь верному псу не смогу, бегу в сторону бабушкиного дома, подбежав, на ходу стучу кулаком в окно, меня услышали, в окне метнулась тень, когда я вбегаю на площадку первого этажа, двери квартиры уже открыты. Сметая с дороги испуганных маму и бабушку, я в обуви бегу в кладовку, рву веревки на самодельном чехле с лыжами. Ружье я умудрилась

собрать на удивление быстро, пакет с патронами тоже лежал здесь. Схватив пару зарядов в латунных гильзах, я бросилась назад, не слушая заполошные крики женщин. На месте драки моих несостоявшихся убийц уже не было, навстречу мне, от края парка, трусил на трех ногах, поскуливающий от боли Арес. Возле клумбы валялась моя сумка с большим круглым разрезом и порванным ремнем, рядом лежал мужской зимний ботинок. Я со вздохом подняла и то и другое. Опять сумку испортили, и полгода не проходила.

– Здравствуйте – раздалось за спиной. Я испуганно обернулась и встретилась взглядом с изумленными глазами малознакомой пенсионерки. У ног ее залилась истерическим лаем лохматая болонка.

– Добрый вечер. Видите, упала, опять сумку порвала – я потрясла перед лицом женщины несчастной сумкой. Но почему ее взгляд направлен вниз?

Я опустила глаза. А, понятно.

– Представляете, какие игрушки стали делать – я подняла ружье – совсем как у моего деда в деревне была. Я не удержалась, купила племяннику, хотя очень дорого. Из Англии игрушка.

– Да, да – собачница часто закивала: – все такое красивое в магазинах, а ничего купить нельзя, такие цены спекулянты ломают, а пенсии не прибавляют.

Болонка у моих ног шумно нюхала мазки крови на дорожке.

– Вы извините, пойду я, устала очень – я кивнула на прощанье и побежала в сторону дома, где возле лежащего в снегу Ареса уже суетились мама с бабушкой.

Часа через два, когда Арес, перебинтованный и зацелованный, шумно пыхтел, засыпая на своей подстилке, а я собирала бинты и подтирала кровавые пятна, оставшиеся после обработки порезов на лапе и боку моего черного спасителя, бабушкина рука сунула мне по нос клочок бумажки.

Я устало отбросила мокрую прядь с вспотевшего лба и без всякой надежды на спокойный вечер, спросила:

– Что это, бабуля?

– Тебе звонили. Сказали из нотариальной конторы, что напротив цирка. Просили быть к двум часам дня завтра, с паспортом. Сказали, что очень важно. И вообще, что в парке произошло? Куда ты опять вляпалась, Люда?

– Бабуля, откуда я знаю? Подошел пьяный мужик, что-то стал спрашивать, нож достал. Тут подбегает еще один, за меня заступился. Тут Арес прибежал, мужика с ножом укусил. Я испугалась, что мужчину, что за меня заступился, порежут, схватила ружье, прибежала, там уже никого нет, только Арес на трех лапах бегаёт. Ну а дальше ты сама все видела. Не знаю, что это было. Пойду спать, устала очень.

– А нотариус тут причем?

– Бабуль, откуда я знаю, завтра съезжу, расскажу. Помнишь, ты рассказывала, что у нас родственник богатый в Америке живет. Может он миллионами решил поделить-

ся. Бабуль, я возьму телефон, подружке позвоню, поболтаю, хоть душу отведу.

Я взяла телефон, и заперлась в ванной, включив воду.

Глава четвертая.

Последнее желание

Утреннее метро в Н-ске конечно уступает по сутолоке Московской, но не намного. Около восьми часов утра тысячи студентов и служащих плотно утрамбовываются в синие вагоны, чтобы максимум через тридцать минут вырваться на улицу. Бабулина квартира нравилась мне тем, что располагалась ровно посередине двух станций метро. Но сегодня, я пошла на конечную станцию ветки. Мы с мамой шли по аллее, в сторону проспекта, впереди хромал мой герой Арес. Врать не буду, после вчерашнего, идти по пустынным и непредсказуемым аллеям парка одной, по утренней темноте, мне было страшно. Изобразив, что проспала, я вытащила из квартиры маму с псом, которого все равно надо было выгуливать. Сейчас мы проходили мимо центральной клумбы и обсуждали, как распоясались в последнее время хулиганы. Проводив меня до оживленного проспекта, мама с собакой распрощались, и с удовольствием устремились обратно, в теплую квартиру. А я, обогнав группу мрачных и невыспавшихся молодых людей, устремилась к павильону с буквой «М» на крыше. Спустившись по широкой лестнице к платформе, я встала у столба, опасаясь быть сбитой с ног толпой оболтусов,

несущихся в сторону стоящего на пути поезда. Из широких окон электровагонов глядели десятки лиц, какой-то неудачник пытался руками раздвинуть захлопнувшиеся перед его носом двери вагона. Раздалась неразборчивая ругань машиниста, раздался свисток, и поезд начал втягиваться в темноту тоннеля. Я подошла рано и этот поезд мне не подходил. Через минуту к платформе подкатил новый состав, я вошла во второй вагон, и стала ждать у третьей по счету правой двери. Постепенно вагоны наполнялись галдящей молодежью, мелькнуло знакомое лицо. Затем двери с грохотом захлопнулись, я повернулась к двери и стала смотреть на свое отражение в стекле. Двери с этой стороны открывались редко, поэтому я надеялась доехать до своей конечной станции без лишней толкотни.

Я смотрела на мелькающие в стекле фонари тоннеля, черные трубы электрокабелей, и думала, что какой-то человек здесь же, в этом вагоне, протолкавшись и устроившись поудобнее, среди болтающихся на поручнях людей, так же смотрит на серую, обтянутую сукном пальто, узкую спину перед собой. Сейчас поезд дернется, тормозя, люди навалятся друг на друга, между темных и серых фигур появится узкая стальная змейка, метнется в выверенном движении к серой спине...

Сзади опять началась какая-то суета, я, не отвлекаясь, продолжала смотреть на свое отражение в стекле. Знакомый голос прошептал в ухо:

– Мы взяли его.

Поезд остановился на станции, люди, толкаясь, стали выходить. Я повернулась, и тут же какой-то парень шагнул ко мне:

– Девушка, вам плохо? Вы такая бледная!

У меня хватило сил только кивнуть головой. Молодой человек, подхватив меня под локоть, подвел к кожаному диванчику, две девушки, сочувственно улыбаясь, освободили место. Я бессильно упала на сиденье.

На конечной станции те же девушки помогли мне выйти из вагона, предложили вызвать «скорую помощь», но я отказалась, сказав, что мне уже лучше. Девушки пожелали мне здоровья, и двинулись к выходу, обсуждая ранний ток-сикоз. Я же, действительно, через пять минут почувствовала себя несколько лучше, встала, и пошла в сторону института, на первую пару я еще успевала. На улице стоял нужный мне трамвай, но лезть в весело гомонящую толпу загружающихся в салон пассажиров, было выше моих сил.

Снова стоять в толпе народа, чувствуя, как неприметный молодой мужчина пробирается в толпе сгрудившихся в вагоне метро пассажиров, чтобы сподручнее нанести молниеносный тычок острым шилом мне в почку, а через несколько секунд выйти на станции и смешаться с потоком спешащих к эскалаторам людей. А я бы еще минутку постояла, опираясь на закрытую дверь вагона, недоумевая, почему мне мгновенно стало плохо, не понимая еще что у меня критического

снижения кровяного давления и болевой шок, а потом бы, я просто упала на истоптанный пол, под ноги растерянными людям.

Вчера я целый час убеждала по телефону опера Сидорова, что его единственный шанс раскрыть убийство Аркадия Николаевича – это использовать меня в качестве живца. Сидоров ныл и искал причины не встречать меня рано утром, рассказывая мне версию, которую я полчаса назад рассказывала бабушке: о распоясавшихся пьяных хулиганах и прочей уличной шпане, об окровавленных жертвах моего пса, которые еще неделю даже думать не смогут о каких-либо правонарушениях. А вот завтра, попив утреннего кофею, грозный опер Сидоров, обзвонит все больницы и найдет, и покарает злодеев, а пока нет никаких оснований считать, что меня хотели убить.

Короче, Сидоров, мне надоело тебя уговаривать. Я сейчас звоню дежурному по областному управлению. У вас же разговоры записываются? Я рассказываю то же, что рассказала тебе, и объясняю, что единственного свидетеля по делу об убийстве пыталась сейчас убить организованная группа лиц. У меня есть доказательства: пятна крови на снегу и мужской зимний ботинок, сорок четвертого размера. Как ты думаешь, в каких выражениях тебе старшие товарищи объяснят степень твоего заблуждения? Я думаю, что через час ты примчишься ко мне, организовывать мою охрану. Или, все-таки, ты завтра встанешь на полчаса раньше, и попробуешь пой-

мать моего убийцу в метро? Ты пойми, я не знаю, что, но что-то случилось, если они попытались со мной разобраться срочно.

Договорившись, где и как меня встретят, Сидоров сухо попрощался и бросил трубку.

В два часа дня я вошла в серое здание на Красивом проспекте. Радуюсь за всех нотариусов, судя по обстановке, у них дела идут хорошо.

Всего через пять минут помощник нотариуса предложила мне войти в кабинет. За столом сидела женщина лет пятидесяти, в темном, элегантном костюме и со строгим лицом. Тщательно проверив мой паспорт, нотариус на мгновение задумалась:

– Людмила Владимировна, три дня назад ко мне поступило заявление о открытии наследственного дела в отношении имущества Старыгина Аркадия Николаевича. Заявление подал его сын Старыгин Иван Аркадьевич. При подаче заявления, здесь произошел небольшой скандал, так как при приеме заявления о принятии наследства я была вынуждена сообщить Ивану Аркадьевичу о наличии у меня завещания, составленного покойным, в котором он указал, что все свое имущество он завещает вам. Вам что-нибудь об этом известно?

Сказать, что на меня напал столбняк, это ничего не сказать. Минуту я молчала, собираясь с мыслями:

– Я могу взглянуть на завещание?

– Конечно.

Мне протянули два листа гербовой бумаги, полностью исписанный убористым текстом и несколькими печатями в разных местах, а также конверт, опечатанный со всех сторон:

– А это личное письмо для вас, которое Старыгин сдал мне для хранения.

Я взглянула на текст завещания. Все правильно, две квартиры, а также все движимое имущество и вклады в банке завещаны мне. Расписавшись в журнале за полученные у нотариуса копию завещания и опечатанный конверт на мое имя, я аккуратно вскрыла пакет. Из пакета выпали знакомая связка ключей, еще одна, наверное, от квартиры Ивана, и два плотных листа бумаги, исписанных с двух сторон.

Я читала письмо мертвого человека, чувствуя, как слезы текут по щекам.

«Здравствуй, Люда. Если ты это читаешь, то значить я умер. Не удивляйся моему поступку, я постараюсь все объяснить. Ты знаешь, что в последние дни вокруг Ивана появились странные люди. Они особо не скрываясь следят за мной. Арес часто начинает рычать под входной дверью. Он никогда не лает на соседей по дому, значить под моей дверью стоят чужие люди. Я начал опасаться за свою жизнь. На моем попечении два беспомощных существа – Арес и Иван. Я оглянулся вокруг и понял, что до конца не могу доверить заботу о них никому из своих друзей, никому, кроме тебя. Поэтому, умоляю тебя, выполни мою последнюю волю:

Прими наследство на себя, зарегистрируй в свою собственность. Позволь Ивану продолжать жить в его квартире, оплачивай коммунальные платежи, как делал это я. Если Иван сможет вернуться к нормальной жизни, помоги ему, а также его детям, если они появятся. Оставленных мной ценностей достаточно для этого. Мою квартиру в любом случае оставь себе. Позаботься об Аресе. Прости меня за все.»

Дальше давались подробные инструкции что, за сколько и кому можно продать из собранных старым нумизматом ценностей, а также как их достать из тайников, оборудованных Аркадием Николаевичем в старом доме.

– Скажите пожалуйста – спросила я нотариуса, закончив изучать бумаги: – а когда я смогу оформить имущество на себя?

– По истечению шести месяцев после смерти наследодателя – любезно ответила та.

– Еще один вопрос. Если я умру до этого момента, кто получить имущество Аркадия Николаевича?

– Его наследники по закону, пока мне известен Иван Аркадьевич, но могут появиться еще и другие претенденты, для этого и дается шесть на принятие наследства.

Спасибо тебе, Аркадий Николаевич, за подарок. О мертвых плохо не говорят, но я на время отступила от этой традиции. Хорош подарочек. Как только о нем стало известно, за два дня меня пытались убить ровно два раза. Что мне сейчас делать? Как прожить эти шесть месяцев?

– Людмила Владимировна? – вопрос нотариуса вытащил меня из глубокого колодца страха и отчаянья. Я опять представила, как тонкое шило вонзается в мою поясницу.

– Я обязана задать вам вопрос – вы собираетесь принимать наследство, или мы будем оформлять отказ от него?

Мне очень хотелось сказать: «Да! Да! Я отказываюсь». Но я не смогла. Я не могла не выполнить последнюю волю человека. Я помолчала минутку, затем кивнула:

– Да, я буду вступать в наследство.

Нотариус помолчала, потом неуверенно произнесла:

– Возможно, вам надо немножко подумать?

А вот сейчас я не поняла.

– Простите, вы на что намекаете?

Женщина отвела глаза:

– Понимаете, ситуация не однозначная. Как я понимаю, вы не связаны с Аркадием Николаевичем родственными узамми?

– Нет, не связана.

– У покойного пока известен только один наследник по закону – родной сын Иван Аркадьевич. И ситуация очень двусмысленная.

– Да, это так. Но в переданном мне письме Аркадий Николаевич просил принять наследство, несмотря ни на что. Меня попросили стать душеприказчиком и позаботится о Иване и о собаке, о чем тут записаны конкретные инструкции.

– Я все понимаю, но вы молодая девушка. А у Ивана боль-

шая и, я бы так сказала – активная, группа поддержки. Мне хватило одной встречи с ними, чтобы желание встречаться вновь не возникало. Поэтому, я вам и задаю вопрос, стоит оно того, с учетом всех обстоятельств?

– Спасибо за участие, но я приняла решение.

– Ну, что ж – нотариус жестко усмехнулась: – Ваша позиция достойна уважения. Со своей стороны хочу вас заверить, что завещание составлено абсолютно законно. В деле есть справка психиатра о вменяемости завещателя. У меня ведется видеосъемка, кассеты с записями отвозятся на хранение в нотариальную палату, чтобы не было вопросов о личности завещателя. Поэтому, я считаю, что на законных основаниях завещание оспорить не получится. А сейчас, давайте оформим заявление о вступлении в наследство.

Глава пятая. Последний путь.

Выйдя от нотариуса, я позвонила участковому:

– Здравствуйте, это Сомова вас беспокоит, с которой вы труп отбивали.

– Здравствуйте, хорошо, что вы позвонили, мне необходимо, что бы вы зашли ко мне.

– Товарищ сержант, мне тоже надо вас увидеть, но я очень прошу, подойдите к квартире Старыгина, это важно.

Участковый упирался, но я уговорила его встретится у дверей квартиры через час. Прочитав ксерокопию завещания, участковый в полном изумлении сдвинул шапку на затылок.

– И что теперь?

– Ну, во-первых копия эта вам. На основании ее, снимайте свои печати с двери, и пойдем в квартиру, там удобнее бумаги писать.

Пока участковый писал акт вскрытия дверей, я сходила в ближайший хозяйственный магазин, затем легко уговорила сотрудника милиции спасти юную барышню – поменять личинки замков на двери, в ответ на любезность, сунув в портфель бутылку коньяка, так как деньги брать у меня отказались.

Уже на пороге, сержант стукнул себя по лбу:

– Из головы вылетело! Вы Старыгина хоронить будете? А

то мне с медэкспертизы звонили, они с телом все закончили.

– Конечно, буду! Дайте телефон, с кем можно связаться.

Сотрудник областной судмедэкспертизы был профессионально циничен, резок и категоричен, но когда услышал, что мне требуется полный набор похоронных услуг, которые я готова оплатить по установленному тарифу, стал вполне мил и обаятелен. Закончив разговор, я тщательно заперла квартиру новыми ключами и позвонила к соседям.

Около восьми часов утра я была выброшена рвущейся из переполненного автобуса толпой на занесенную снегом остановку без вывески. Я никогда не была в этой части города, но, посчитав, что мне надо идти с основной массой людей, быстро дошла до проходной.

Да, на таких проходных я еще не была. Множество турникетов, где за матовым стеклом сидели военные, тщательно проверяющие не только документы, но и сумки сотрудников, рамки безопасности, как в аэропортах – все очень серьезно. Я нашла на стене внутренний телефон, с третьей попытки дозвонилась до профсоюзного комитета.

– Здравствуйте, какой у вас вопрос?

– Здравствуйте, я звоню в связи со смертью вашего бывшего сотрудника – Аркадия Николаевича Старыгина.

– Вы с проходной звоните? Выйдите на улицу и пройдите налево, там увидите дверь с табличкой «Отдел кадров», я сейчас туда подойду.

В отделе кадров я просидела минут десять, когда в поме-

щение вошел худой как щепка пожилой мужчина, с зачесанными назад седыми волосами:

– Здравствуйте, это вы насчет Старыгина? Давайте свидетельство о смерти.

– У меня нет свидетельства....

– Но без свидетельства я не смогу выдать вам деньги....

– Я не за деньгами приехала. Я похороны оплачу сама. Проблема в том, что человек остался один, жена умерла, родственников нет, они с женой были детдомовские. Сын тяжело заболел, и скорее всего на похороны не придет. Я думаю, что очень плохо, когда человека в последний путь будем провозить мы с собакой.

Мужчина помолчал, потом, тяжело заговорил:

– Я вас понял. Знаете, я хорошо помню Аркадия Николаевича. Мы ежегодно ветеранов чествуем на дне рождения предприятия, а потом собираем в нашей столовой на маленький банкет. Он тоже несколько лет ходил, а потом перестал. И только в этом году я узнал, что приглашения для Аркадия Николаевича каждый год выбрасывал новый заместитель директора по..., а, впрочем, неважно. Якобы вид его увечий плохо влияют на молодых сотрудников. Вот такие дела. Скажите, когда и где прощание?

– Прощание в два часа у его дома, затем на Заречное кладбище. Поминки я заказала в кафе «Лада» на площади Жданова. Я хотела только узнать, сколько человек от вас будет?

– Пожалуйста, подождите минут пять.

Председатель профкома отошел, о чем-то пошептался с инспектором отдела кадров, вернулся ко мне:

– Извините за ожидание, будет человек тридцать. Это те, кто работал вместе с Аркадием Николаевичем в одном цеху в то время, у нас будет свой транспорт.

– Большое спасибо, сняли камень с души.

Попрощавшись, я побежала на остановку, хорошо, что сегодня в расписании занятий нет первой пары.

Вечером мне позвонил Сидоров, и без своей обычной дурашливости, сказал:

– Простите, но у нас не получилось.

– То есть, вы его отпустили?

– Пока не отпустили, он ругался и матерился в общественном месте, поэтому судья дал ему за мелкое хулиганство четверо суток ареста.

– Понятно...

– Но мы будем продолжать работать!

– Спасибо, Сидоров, ты меня успокоил.

– Спокойной ночи.

– Ты издеваешься? Подожди. Скажи, где этот человек живет?

– Зачем это? – голос оперуполномоченного посуровел.

– То есть зачем? Вы отпускаете человека, который собирался убить меня в метро.... Кстати, чем он меня собирался ударить?

– Отвертка у него была, заточенная.

– Вы отпускаете преступника, который пытался убить меня в вагоне метро отверткой. Его вину вы не доказали. Охранять меня вы не можете. Так хотя бы скажи, где он живет, чтобы я там не появлялась. А то, вдруг, мы случайно встретимся, и он доделает свое дело.

– Он живет на третьем переулке Героев, дом двадцать два. Но ты не волнуйся, мы еще будем с ним работать.

– Товарищ Сидоров, из того, что я от вас услышала, я понимаю, что я могу не бояться этого человека в течение трех суток, и то, если он не сбежит оттуда, куда вы его пока посадили. До свидания.

Да, очень неприятно. Никому нельзя ничего доверять, все приходится делать самой.

Гроб с телом Александра Николаевича прибыл к подъезду его дома в оговоренное время. Большой катафалк, строго черного цвета, без пошлых ангелков и безвкусных надписей. Аккуратно одетые ребята выставили гроб на специальный помост перед группой провожающих. Над маленьким двором поплыла скорбная музыка. Профком химзавода не подвел, на двух автобусах прибыли ветераны цеха и оркестр. Во двор спустились жильцы дома, которых обошла бывшая соседка Аркадия Николаевича. В стороне кучкавались несколько человек, которые, как я подозреваю, были причастны к смерти моего друга, а вокруг них нарезали круги опер Сидоров и его коллега, которого я видела в отделе. Я была довольна, моего друга в последний путь провожали не

только я, милиционеры и убийцы, но и обычные, нормальные люди.

На кладбище приехали ветераны с опером Сидоровым в одном автобусе, к которым примкнула пара соседей, узнавших, что поминки оплачены. Второй автобус занял оркестр, теперь на приличном уровне игравший рвущую сердце мелодию. Из подозрительных личностей, на кладбище появились двое, выйдя откуда-то из кустов. Молодые, прилично одетые мужчина и женщина, с открытыми, располагающими к себе лицами. Женщина держала в руке четыре красные гвоздики. Обычные люди, только напряженно вслушиваются в разговоры, не сводят внимательных взглядов с меня.

Люди подходили к могиле, говорили теплые слова о покинувшем нас человеке, а я напряженно думала, стоит ли устроить небольшую провокацию. Например, кинуть в толпу подогретых нескольким бутылками водки бывших коллег покойного (пили исключительно, как лекарство от ледяного ветра, дующего на кладбище), гневную речь, как умирал их товарищ, выразительно глядя на эту парочку. Наверняка, кто-нибудь поймет все правильно, начнет задавать вопросы: кто вы, молодые люди?

Хотя, наверное, воздержусь. Драка на кладбище вряд ли украсит похороны, ведь это не свадьба.

Поминки в кафе проходили вполне пристойно. Ветераны и музыканты, приглашенные мной, добрыми словами помянув Аркадия Николаевича, сейчас просто наслаждались хо-

рошей едой и приятной компанией. Оперуполномоченный Сидоров, уяснив, что собравшиеся здесь люди подробностей убийства не знают, и, подвыпив, ничего интересного ему не расскажут, принял стакан водки «на посошок», поцеловал мне ручку и откланялся.

Убедившись, что все в порядке, я нашла тихий уголок, и набрала номер телефона:

– Агентство «Центурион»...

– Здравствуйте, директора, пожалуйста...

– Как вас представить?

– Скажите, что звонит Маша, которая не любит договора....

Щелчок в трубке:

– Здравствуйте, Маша!

– Здравствуйте, мне нужна ваша помощь. Записывайте....

Глава шестая. Визит вежливости.

Утро в квартире, занимаемой членами «Белого братства» начиналось практически одинаково, только по выходным дням рядовым адептам разрешалось поспать на час больше.

Звонок в дверь разбудил Жигу – одного из охранников этой группы, еще до восьми часов утра. Полежав минут пять под электронное жужжание старого механизма, Жига понял, что под эти звуки вновь уснуть он не сможет. Надежда, что с неожиданными посетителями разберется Винт – второй охранник, себя не оправдала. Винт безмятежно храпел, пустив тонкую струйку слюны из приоткрытого рта на несвежую наволочку.

Жига со стоном встал, посетил уборную, заглянул на кухню, где дежурная повариха готовила кашу-размазню для приверженцев учения. Звонок замолк, но буквально через пять секунд завел свою бесконечную песню. В полнейшем раздражении Жига глянул в дверной глазок. У двери стояла молодая девка в сером пальто и белом платке, нагло давящая на зловредную кнопку.

Сомова

Я давила на маленькую кнопку звонка, не отрывая пальца. Звонок заходился в истеричном жужжании, Наверху, уже хлопнула чья-то дверь, и шаркающие шаги медленно при-

ближались. Нужная мне квартира на мои призывы не реагировала, хотя за дверью кто-то был. Слышались шаги, шум воды в туалете, из-за двери доносился неприятный запах какой-то пищи.

Дверь внезапно распахнулась. На пороге стоял здоровый парень с красной от подушки щекой и в синих спортивных штанах, жеванная футболка довершала его костюм.

– Ты кто? Чё надо?

– Во-первых, здравствуйте.

– И чё?

– Во-вторых, кто вы такой, и что делаете в чужой квартире?

– Пошла ты – парень попытался захлопнуть дверь, но я успела вставить ногу в щель.

– Повторяю вопрос.....

– Ах ты....– парень выбросил руку вперед, ухватил меня за пальто и попытался затащить в квартиру.

В тот момент, когда юноше уже показалось, что он затащил тупую белобрысую девку в квартиру, где он собирался вдумчиво объяснить всю пагубность ее поведения, какая-то злая сила выдернула его молодое, пышущее здоровьем, тело из квартиры, как морковь из грядки. Еще какая-то возня за спиной, захваченная рука пошла на излом, и дальше Жига смотрел на присутствующих снизу вверх. Тупым оказался не девка, а сам Жига, так как справа и слева от двери девку прикрывали два ловких мужика, которые как ребенка спеле-

нали молодого охранника, один фиксировал его руку и тело, а второй, схватив парня за волосы, задирает вверх его лицо, что делало положение Жиги еще более унижительным....

Понимаю, что вступительную часть знакомства типа «да вы знаете, кто я» и «а вы знаете, под кем я хожу», лучше пропустить, Жига мудро перешел сразу ко второй:

– Пацаны, пацаны, был не прав, все понял, щас старшим позвоню, все решим, все будет в елочку.

– Запомни, мы придем сегодня еще раз, в двенадцать часов дня. Если в этой квартире будет хоть кто-нибудь, кроме хозяина – вам будет очень больно.

Потирая ноющую руку Жига ворвался в спальню, пнул кровать спящего Винта, схватил телефон:

– Алло, это я, не спишь?

–....

– Случилось. Щас приходила девка какая-то, наглая, с ней два бойца серьезных. Сказала, что она теперь хозяйка квартиры, документами трясла.

–

– Сказала, что в двенадцать придет снова, чтобы никого в квартире не было, кроме хозяина квартиры...

–.....

– Понял, сделаю.

Сомова.

Остальное я узнала из отчетов старших групп наружно-

го наблюдения детективного агентства «Центурион». Через час после моего визита, охранники погнали адептов «Белого братства», как бестолковых цыплят, по другим квартирам, распределив всех двенадцать человек по пяти адресам. Затем, помня, что леность есть грех, эти несчастные были разведены по рабочим местам, в основном у входов на станции метро. Там же, облачившись в белые накидки, стали они спасать людей, неутомимо рассказывая им о ста сорока четырех тысячах праведников, которые спасутся, и близком конце света.

А в квартиру Ивана прибыл боевой засадный полк Братства: восемь вульгарных бандитов, и две женщины. Безуспешно прождав меня около часа, боевой отряд разъехался. Бандиты, двигаясь на двух старых иномарках, выехали на базу спортобщества «Жилищник», а серое «Вольво» с дамами и водителем заехало на территорию коттеджного поселка на Дачном шоссе, где в связи с наличием охраны на въезде, наблюдение было прекращено.

Глава седьмая. Ланнистеры всегда гасят свои долги.

Клещ.

Сергей Викторович Клещов, отзывающийся с детства на кличку Клещ, был обычный пацан с рабочей окраины. Отец ушел из семьи, когда маленькому Сереже было четыре года. Мать, работая на железной дороге в бригаде путевых рабочих, получала приличные деньги, но работать приходилось много и тяжело. Однажды утром она не проснулась. На тот момент Серега был благополучно выброшен из средней школы в связи с окончанием восьмого класса, в комплекте со свидетельством о неполном среднем образовании. В ПТУ парень не пошел, так как стоящим по восемь часов у воющего токарного станка, юноша себя не видел. К тому моменту страна рухнула, система контроля и учета населения давала сбой за сбоем, принуждать молодого человека получать среднее образование и профессию стало не демократично, и Сергей оказался предоставлен сам себе. С четырнадцати лет, выезжал в компании таких же мелких хулиганов в поселок Ученых или Город, где, зажав в углу очередного зажиточного «ботана», можно было поправить материальное положение, вытряхнув немного денег или отжать модную шмотку. Постепенно Клещ дорос до рядового бойца местной преступ-

ной группировки, которому старшие товарища могли поручить и ответственное поручение.

Однажды, зайдя к шефу, отчитаться о проделанной работе по сбору еженедельной платы на микрорынке и сдать купюры, Клещ понял, что зашел очень не вовремя. Шеф был не один, рядом сидел один из бригадиров, а напротив – две женщины, совсем не похожие на местных шмар. Одна была высокая, яркая, дорого и модно одетая, вторая какая-то серая и незаметная.

Проблемой для Клеща стала большая фотография с изображением молодого мужчины, лежащая на столе. Клещ любил импортные фильмы про гангстеров, и значение фотографии на столе он понял, понял и испугался. Во взглядах присутствующих, скрестившихся на нем, он видел небрежно перебираемые варианты его дальнейший короткой жизни, и эти варианты Клеща абсолютно не устраивали. Интуитивно нащупав выход из стремной ситуации, он шагнул к столу, всмотрелся в фотографию, потом, обведя взглядом всех присутствующих, небрежно сказал:

– Я могу его сделать красиво.

Повисла пауза. И вдруг Клещу невообразимо захотелось посмотреть на серую мышку, скромно сидящую на краешке стула, рядом с красавицей. Он повернулся к этой некрасивой девке, и не смог оторваться от ее глаз, казавшихся почти черными. Клещ не понимал, что происходит, его тянуло к этим черным колодцам на светлом овале лица, затем

какой-то червячок легко скользнул в его голову, в конце он услышал, что девка тихонько произнесла:

– Он годиться....

Молодой, успешный бизнесмен вечером вышел во двор нового малоэтажного дома прогулять собаку любимой жены, и, заодно, вынести пакет с очистками от вяленой рыбы, которую он с удовольствием употребил под добрый темный «Гиннес». Выбросив мусор в контейнер, мужчина повернулся в сторону подъезда, и не заметил тень, на мгновение возникшую у него за спиной. Удар широкой толстой доской с длинной ручкой на конце, был удачен – человек умер через минуту, так и не поняв, что произошло. Загулявший сосед через полчаса обнаружил на мусорной площадке горестно скулящего той – терьера, чей модный поводок продолжала сжимать холодная ладонь хозяина. Опытный судмедэксперт, введенный в заблуждение очень широкой зоной повреждения и абсолютно плоской поверхностью орудия убийства, дал заключение, что смерть наступила при падении с высоты собственного роста при соприкосновении затылочной части головы потерпевшего с плоской поверхностью асфальта контейнерной площадки. А молодая вдова, незадолго до смерти мужа, с головой погрузившаяся в учение о близком конце света и чудесном спасении, заверила у нотариуса доверенность на право распоряжения имуществом, доставшимся от покойного, да и своим собственным, облачилась в белый балахон и навсегда выехала со своими новыми братьями и

сестрами к святыням города Киева.

Работу Клеща оценили. Шеф вызвал к себе, скупко похвалил, и объяснил, что дальше он будет работать с той красивой женщиной, что он видел в кабинете шефа. В спорткомплекс ему больше ходить не стоит, и общие дела с пацанами стоит свернуть. Вести себя тихо, когда он понадобится, его найдут.

Обиженный Клещ решил забухать, но уйти в себя не удалось. Первое, что увидел Клещ утром, с трудом разлепив глаза, была та самая красивая дама, которая теперь была для Клеща старшей.

Не зная, что сказать неожиданной гостье, Клещ повернулся к тумбочке, чтобы взять спички и сигареты, но там наткнулся на пристальный взгляд серой мыши, которая сидела у его изголовья. Мышь обхватила его голову холодными руками, и наклонилась к лицу. Клещ хотел вырваться, но холодные кисти женщины, лежащие на его висках, так приятно охладили больную голову, темные глаза смотрели не отрываясь. Клещ расслабился, и погрузился в темную глубину прекрасных глаз. Через несколько минут две дамы вышли из старого домика на окраине рабочего поселка. Пройдя по узкой тропинке, мимо сараев и вечно парящего люка канализации, они сели в необычный для этого района серебристый джип и навсегда покинули этот, забытый богом и районной администрацией, переулок, заканчивающийся оврагом. А на продавленной кровати, в не протопленной с утра комнате, ле-

жал и пристально глядел в беленый потолок новый человек – брат Сергей.

Через пару недель, бойцы местной преступной группировки долго спорили, кого они видели, проезжая мимо по своим пацанским делам – в помещение местной библиотеки вошел внезапно пропавший Клещ или парень, просто похожий на него. На самом деле, в библиотеке сидел Сергей. Он обложился учебниками по практической хирургии, внимательно вглядываясь в схемы кровеносных сосудов и органов человека. А впереди его ждало самое вкусное – толстенный учебник по судебной медицине. Брат Сергей очень добросовестно подходил к делу, порученному Хозяйкой.

Периодически в ржавом почтовом ящике, с остатками красной краски на мятом боку, появлялись фотографии с данными на человека, а иногда просто фамилия – имя и адрес. В течении суток Сергей проводил разведку (его больше грело недавно вычитанное слово – регонсценировку), затем выходил на дело. Сергею нравилось нетривиальное исполнение заказов, творческий подход к порученному делу. Достоверная имитация естественной причины смерти – это был высший пилотаж, доставлявший брату Сергею истинное наслаждение художника, создавшего бессмертный шедевр. Такой подход к делу давал сто процентный успех. И лишь крайнее задание сорвалось на ровном месте. Фото клиентки – молодой симпатичной девушки, живущей на первом

этаже «хрущевки», никакой сложности не обещал. Вечером, темной тенью простояв под окном квартиры, Сергей получил всю нужную информацию. В квартире жили одни бабы – клиентка, ее мать и бабка. Единственную сложность представляла собака, судя по издаваемым звукам, крупная. Распорядок дня клиентка сама громко рассказала домочадцам – уйдет рано, придет поздно. План работы был вроде элементарный, но возникли сложности. Не успел брат Сергей присесть на лавочку напротив нужного подъезда, как появились две местные старухи, которые подозрительно глядя на незнакомого парня, старательно нарезали круги вокруг него. Когда к ним присоединилась третья, со старой, облезлой шавкой на поводке, Сергей понял, что ожидать клиентку во дворе не комильфо.

Пришлось набирать намертво вбитый в голову номер телефона:

– Нужен помощник, завтра, в семь вечера, с чистой трубой.

Помощник был типичный гопник, наглый и быковатый. Когда он стал оспаривать план Сергея, пришлось сделать последнее предупреждение

– парень еще цедил свою мудрую мысль, когда острое жало заточенной отвертки кольнуло нижнее веко под левым глазом.

– Повторяю последний раз, ходишь параллельно дороги по той или этой стороне, увидишь девку в сером пальто и

белом платке, сумка и сапоги черные – сразу звонишь мне и уходишь. Ты меня понял, или глаз лишний?

– Я понял, понял, все сделаю.

Проблема была в том, что к дому, клиентка могла подойти с четырех сторон, поэтому Сергей понимал, что хотя бы один помощник ему нужен. Себе киллер оставил самый вероятный маршрут – дорогу от линии метро. И он не ошибся. В половине десятого вечера, силуэт клиентки показался на освещенной аллее парка. Сергей, осторожно держась в тени деревьев, двинулся на перехват. Клиентка дошла до клумбы в центре парка, позвонила по сотовому телефону, и стала кого-то ждать. Если у барышни здесь встреча, необходимо поторопится, массовую бойню Сергей устраивать не хотел. Заходя со спины, задумчиво разбивающей каблуком сапога комок снега, девушки, Сергей с досадой увидел бегущего к ним своего незадачливого напарника. Девушка вздрогнула, тоже посмотрела на спешащего вдалеке мужчину, а затем, внезапно, развернулась лицом к Сергею. Киллер удовлетворенно отметил, что девица напротив него соответствует фотографии – заданию, а значить жить ей осталось около минуты. Испуг на лице девушки сменился неожиданной сосредоточенностью, она сделала шаг в сторону, одновременно с размаху нанося удар тяжелой сумкой в голову оппоненту. Удар был неказистый, и поднаторевший в драках Сергей легко уклонился, подставив плечо, но выпад отверткой (быстрый и точный, как удар шпагой тореро – Сергею нравились

такие выражения, не хотелось осознавать себя банальным душегубом) тоже был сорван.

Противники замерли напротив друг друга. Громко топая, к ним подбегал напарник Сергея. На лице у девушки появилось облегчение, она очень надеялась на помощь случайного прохожего. Гопник, подбежав сзади, не стал терять времени даром. Ловко прихватив шею девчонки удушающим захватом, он второй рукой зафиксировал жертву в районе солнечного сплетения, прогибая назад тонкую девичью фигуру.

– Давай – гаркнул непрошенный помощничек, весьма довольный собой, не понимая, что его широкая, как лопата, ладонь закрывает киллеру наиболее уязвимые места на теле жертвы. Сергей сделал выпад в узкое поле груди, но жертва, почему-то не желая умирать, успела закрыться своей дурацкой сумкой.

Сергей выдернул отвертку из пробитой сумки, на секунду подумал – не ударить ли в живот. Но туда стоило бить лишь в темпе швейной машинки, что было не эстетично и не спортивно. А одиночный удар узкой отверткой в живот не гарантировал смерть.

Оставалось бить только в район ключицы или горла. Девка, вроде бы надежно зафиксированная, продолжала попытки пнуть гопника в голень каблуком сапога, ее глаза мрачно отслеживали оружие Сергея, наверное, надеялась опять отбиться сумкой.

Тонкое жало отвертки начало движение в подключичную

впадину, девчонка безнадежно опаздывала поднять сумку, когда резкая боль пронзила кисть руки Сергей. От неожиданности и боли, киллер выпустил рукоять своего оружия, и еле успел отпрянуть назад, перед его пахом звонко щелкнули мощные зубы черного пса. На счастье Сергея, черный ротвейлер отвлекся на ляжку второго нападающего. Под визг пережевываемого напарника, Сергей успел поднять отвертку и пнуть атакующего пса в зад тяжелым ботинком.

Фортуна – богиня изменчивая. Вот ты, уверенно, отмеряешь минуту до конца жизни человека, а через какие-то мгновения считаешь за счастье скрыться в темноте от мечущегося вокруг тебя разъяренного пса, а крики несостоявшейся жертвы слышны вроде совсем рядом, но для тебя эта сотня шагов – уже недостижимая дистанция. Ловко задев пса в бок лезвием, Сергей сумел утащить покусанного напарника в соседний двор, а там посадить его в машину частного, убедившись, что гопник знает, куда ехать за медицинской помощью. Сам Сергей прошел чрез квартал, радуясь, что пока не видит всполохов мигалок патрульных машин, поймал «бомбилу», и поехал домой, погрузившись в тяжкие думы. Когда Сергей попросил остановить машину за пару остановок автобуса до своего дома, вчерне план решения проблемы был готов. Дело должно быть доделано. Сейчас жертва находится в панике, дает показания милиции о нападении, истерит в компании своих домочадцев. Возможно, завтра она никуда не пойдет, будет стоять у окна и вздрагивать от каждого

шума под дверь. Но, рано или поздно, она выйдет из дома. Задача Сергея – встретить ее там, где она не будет ожидать ничего плохого, и нанести один четкий, отточенный удар.

Следующим утром на проспекте, через дорогу от входа в парк стоял молодой человек в черном элегантном пальто и лаковых туфлях. На хулиганов, бесчинствующих вчера в парке, он похож не был. Вместо отвертки в кожаном портфеле лежало длинное шило, на удобном, с упором, рукояти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.